

Воспоминания Анфилогия Фабричникова (1907–1978)

Воспоминания написаны примерно в 1960–1963 годах

Воспоминания отредактированы Эстонским институтом исторической памяти в 2022 году. В тексте дополнительно указаны номера листов тетради и подзаголовки.

Мобилизация в Красную армию

До мобилизации я работал на предприятии Кунстсарве Техасед в Таллинне. Меня мобилизовали в Красную армию. 28 июля всем наших рабочих, которые подлежали мобилизации, было объявлено, что каждому гражданину следует взять с собою продукты на 5 суток. С продуктами было очень тяжело, всюду были длинные очереди. У нас, мобилизованных граждан, не было времени стоять в очередях. Времени было мало, день подходил к концу, и мы обратились к военному комиссару. Он дал каждому мобилизованному документ, чтобы без всякой очереди можно было получить продукты. Закупили продукты и на другой день должны были явиться на сборный пункт на ипподроме.

В 9:00 утра я забрал свой продуктовый мешок и стал двигаться на сборный пункт на ипподроме. Перед этим я зашел в молельню. Был воскресный день. Там молился перед святыми образами и простился со своими прихожанами. Мимоходом зашел проститься с Таней Тамперкам. Потом направился на сборный пункт. **(лист 3)** Народу у сборного пункта на ипподроме было очень много. Были мобилизованные, также пришли жены провожать своих мужей, матери и отцы своих детей, и дети своих отцов. Народу скопилось больше тысячи. У каждого, как мобилизованного, так и провожающего, на душе стало грустно. У родных и знакомых грусть, печаль и слезы на глазах. Сидели кучками, делились мыслями и оплакивали судьбу. Вот наступила последняя тяжелая прощальная минута. Мобилизованные заходили на территорию ипподрома. День был солнечный, теплый и красивый. Вот большую первую группу повезли на отправку. Я тянул резину и на территорию ипподрома не заходил.

Вечером на закате солнца я зашел в середину сборного пункта, где у нас всех отобрали паспорта. У ворот стояла крепкая милицмейская охрана. Наружу никого больше не пускали. Наступил вечер, на ночь нас никуда не отправили. Ночевать остались на ипподроме под открытым небом. Ночью было тихо вокруг и тепло. Утром рано встали, спать не хотелось. Утром солнце встало, обещая опять солнечный теплый день. Было неизвестно, когда нас будут отправлять. Выйти вон не разрешала милиция у ворот.

(л. 4) Я взломал забор и пролез на улицу. Пришел к маме и папе, туда же пришли и мои братья. Там выпивали и проводили так время. Погуляли крепко, я пошел обратно на сборный пункт теперь уже с компанией: мама, Петя, Савва. Идем и поем песни в хорошем настроении. Подходим к воротам ипподрома, а милиция у меня спрашивает: «Каким путем отсюда вышел?» Мой ответ был: «Чего ты спрашиваешь у меня?» Я прямо и честно явился обратно. Теперь зашли со мной все вышеупомянутые лица. Здесь снова стали выпивать. Я был крепко пьян. На ипподроме находился пруд, где можно было купаться. Я выкупался в нем. Так прошло несколько часов.

Вечером в семь часов дали приказ становиться в строй. Построили всех и постепенно стали выводить с ипподрома. Теперь пошли по городу. В строю были вместе с нами и

Воспоминания Анфилогия Фабричникова (1907–1978)

провожающие нас жены, матери, отцы, братья и наши знакомые. Меня провожала жена и брат Петя. Он нес мой вещевой мешок. Так продолжали идти по улице в шеренгах с песнями по направлению к станции Юлемисте, где ждали два часа товарные вагоны. После прибытия вагонов натянули вокруг канат, чтобы провожатые не могли подойти к мобилизованным. Теперь нас отделили от родных и провожающих. За натянутой веревкой (л. 5) остались наши родные. Они плакали и кричали в голос. Нас стали помещать в вагоны по 55 человек в каждый. Вдруг эту натянутую веревку разорвали. Сейчас же все родные и провожатые бросились к нашим вагонам. Нас из вагонов больше не выпускали. Мы стояли в открытых вагонных дверях и смотрели. Теперь еще больше стал слышаться этот стон. Провожатые и родные ревели как малые дети. Трогательно было смотреть на эту печальную картину. Не прошло и полчаса, как наш эшелон стал постепенно трогаться с места, а провожатые и родные со слезами и с криком бежали за ним. Мы стояли и смотрели из вагонов на своих родных. Они нам махали, и мы им в ответ. Так продолжалось несколько минут. Потом все скрылось и затихло. Это было в 10 часов вечера.

У меня и у моих товарищей на сердце стало грустно и тоскливо. Поезд продолжал ехать дальше. Ночью было тихо и тепло. Прибыли на станцию Тапа. Поезд здесь остановился, и мы вышли из вагонов подышать свежим воздухом. Вокруг стояла тишина, и было темно. После я узнал, что некоторые товарищи отстали от поезда и вернулись обратно в Таллинн. Через некоторое время поезд снова тронулся. (л. 6) Поехали дальше. Поезд поначалу шел медленно, так как дорога была немцами местами разбомблена. Начинало расцветать, взошло солнце, и опять стояла теплая жаркая погода. Двери в вагоне были открыты, мы стояли и смотрели на природу, прощаясь с родиной. Некоторые товарищи рисковали своей жизнью, прыгали из вагона и бежали в лес. Товарищи говорили мне, что давай прыгнем и мы, но я не решился на это. Я полагался на судьбу. Продолжали ехать дальше. Проезжая город Нарву, мы увидели ужасную картину разрушений целых кварталов домов. На станции стоял эшелон с морскими минами. Немец разбомбил этот эшелон, подняв все в воздух. В Нарве мы простояли два часа и поехали дальше. Реку Нарову переехали и попрощались с родиной.

Не доезжая станции Кингисепп, немец стал нас бомбить. Поезд остановился, и мы все побежали в густую рожь. Через полчаса все затихло, и мы все вернулись обратно в поезд, чтобы ехать дальше. День был солнечный и жаркий. Прибыли на станцию Гатчина. Мне очень хотелось пить. Я пошел на станцию за кипятком. Здесь эшелон долго не стоял. Тронулись вперед, но поезд часто останавливался на станциях. Мы сидели по-прежнему у открытых дверей и смотрели. Некоторые товарищи лежали на нарах и друг с другом делились мыслями. Но на сердце у каждого было тяжело.

(л. 7) Приехали на станцию Тихвин. Уже был вечер. Товарищи и я побежали в магазин что-нибудь купить. В магазине особо ничего не было, поэтому купили водки и крепко выпили, чтобы рассеять грусть. Настроение поднялось, пели песни, веселились. Наступила ночь, поезд продолжал ехать дальше. Некоторые товарищи спали, а другие еще между собой разговаривали. Никто ничего не знал, куда мы едем. Так ехали четверо суток. Приехали в город Котлас и тогда узнали, что едем на север.

В трудовом батальоне

Воспоминания Анфилогия Фабричникова (1907–1978)

Здесь нам дали приказ забрать свои вещи и выходить из вагонов. Стали делать пересадку из вагонов на баржу, которая была такая большая, что нас поместилось две тысячи человек. Ее зацепил буксир с названием «Пролетарий». Теперь мы плыли по течению реки. Ехали на барже сутки. Потом нас высадили, но название места не помню. Прошли пешком пять километров до города Яренск. Это около 200 км вверх по реке.

Погода была солнечная и жаркая. Здесь расположились отдыхать. Первым делом здесь привели себя в порядок: умылись, освежив себя водою. Пошли в магазин что-либо купить, купили пирожного и съели. Водку не разрешили купить. В питании мы еще не нуждались, так как у каждого было в запасе много еды. В середине дня нам колхоз приготовил обед, состоящий из тухлой трески и рыбного супа. Этот обед я не ел, также поступили и многие другие товарищи. Расположились на квартире в большом двухэтажном здании школы. В этот же день стали (л. 8) строить себе кухню. Уже свои повара начали готовить пищу. Прошло три дня отдыха. Хорошо пришли в себя. Я познакомился с одной женщиной. Она меня пригласила на стакан чая, но нас не пускали в город. После отдыха пошли на работу. Работали в колхозе, справляли бревна по реке – притоку Северной Двины. На реке было очень быстрое течение, а на берегу реки паслось колхозное стадо. Во время сплавления бревен быстрый водоворот затащил с бревнами тринадцать коров. И тогда несколько дней нас кормили мясом. Здесь проработали три недели, затем нас перевели на другое место, 25 километров от Котласа.

Прошли пешком сто километров, дошли до деревень Копытово и Коряжма, где расположились жить в бараках. Сюда до нас привезли поляков. Кухня уже была, поэтому наши повара стали готовить еду. Питание было хорошим, еще и помогали полякам, которым передавалось то, что от нас оставалось. Приступили к работе, начали строить аэродром. Рубили лес, корчевали пни, снимали растительный слой до земли. Норма в первый день была 10 квадратных метров. Ее было легко выполнить, поэтому на второй день было уже 20 квадратных метров. Мы тоже выполнили эту норму, потом она стала 40, 70, 100, 120. Все эти нормы выполнялись. Но вот установили норму в 180 квадратных метров. Она уже была непосильной и трудновыполнимой. Политрук у нас был (л. 9) злой. Эту норму никак нельзя было выполнить. Не выполнившим норму не разрешали возвращаться в барак для приема пищи и отдыха. Был уже октябрь, изредка падал снег. Поэтому сидели у костра и грелись, кругом было темно, работникам ничего не видно. Так у костра сидели до 8–9 часов вечера. Приходили домой усталыми, переутомленными и мокрыми. Высушиться негде, так мокрыми и ложились спать. Выходных не было, работали семь дней в неделю.

Аэродром был готов. Закончили эту работу, поэтому нас перевели на другую и на другое место в деревню Байка, девять километров от Котласа. Прошли пешком и расположились на жительство на барже на реке, название которой Вычегда, у Сольвычегодска. На баржу нас поместилось 700 человек. Внутри баржи было темно, так как окна были очень маленькие. Построили нары и стали кое-как жить. Начали ходить на работу – строить лесопильный завод. Ходить на работу за два километра. Питание с первого дня было очень плохое. Суп только назывался супом, а на самом деле был литром кипяченой воды. Картошки и крупы в нем не было. Постоит пять минут, и на дне остается мучной осадок в два сантиметра, так как в этот суп добавляли только одну муку. На второе давали одну

Воспоминания Анфилогия Фабричникова (1907–1978)

деревянную ложку каши около 100 граммов. Хлеба давали 650 граммов. Он был сырой и тяжелый. По объему этот хлеб был маленьким кусочком. Мы все (л. 10) отощали и ослабли.

Шли с работы и падали в снег, не дойдя до места отдыха. Без сил люди плакали, как малые дети, прося друг у друга помощи подняться и добрести до места отдыха. Но и у товарища не было сил. Он сам еле шел, нога за ногу цеплялась. Политрук был не человек, а палач со звериным сердцем. Никаких он мер не принимал и не шел по-человечески навстречу. Утром опять вставали, ели эту теплую баланду, измученные и усталые плелись на работу. Санчасть была, но в ней, кроме марганцовки, ничего не было. Помощь оказать больному не могли, и так в больном виде люди шли на работу. Помирать наших товарищей стало много, за неделю два-три человека.

В баню ходили очень редко, поэтому вшей развелось очень много. От них никак нельзя было избавиться, по нарам и по доскам они ползали, как муравьи. И часто получалось, что утром товарища поднимают на работу, а он уже холодный – умер. Народ был голодный, поэтому некоторые товарищи ходили в колхоз за добычей. Крали зерно и все, что попадалось под руку. Принесли раз поросенка и козу. На голодный зуб это как слону сайка. На другой день пришло из колхоза все начальство, но ничего не нашли. Поросенка и козы давно след простыл. На реке, у которой мы жили, зимой вода местами не замерзала. Вечером поздно шел товарищ на отдых, попал в полынью, и от него остались только рукавицы, а шапку унесло течением. (л. 11) Такая наша мучительная жизнь тянулась все дольше и дольше. Мы не могли понять, кем мы являемся – красноармейцами или заключенными. Но у заключенных в некоторых условиях жизнь лучше. Здесь к нам отношение было не человеческое, а зверское. Морозы стояли до -32° , а на работу мы все равно должны были идти.

В начале февраля 1942 года из Котласа прибыло начальство. Приехали к нам на производство и стали у нас спрашивать о нашем желании вступить в ряды Красной армии. Мы все были согласны и рады, что сможем вырваться из рук смерти. Не прошло и двух недель, как в один день приехал политрук и сказал, что на работу не пойдете. Мы были этому очень рады. В этот день нам выдали по буханке хлеба и сушеную рыбу. Прошли до Котласа девять километров пешком, пришли на станцию, где товарные вагоны уже нас ждали. Собралось народу со всех концов очень много. Погрузились в вагоны, а спустя некоторое время – поехали.

В эстонском стрелковом корпусе

Куда ехали – нам не было известно, но настроение у всех товарищей было бодрое. Дорогой нас кормили хорошо, хлеба давали по 800 граммов на человека, а также сахар и сушеную рыбу. В пути делали остановки, кормили горячей пищей. Первая остановка была в Вологде, где поели и поехали дальше. Следующая была в Свердловске, где обедали. Путь свой продолжали дальше и ночью прибыли в Челябинск, где нас быстро повезли (л. 12) в столовую. Зашли в большую военную столовую, быстро накрыли столы, и мы стали есть. На столе еды было вдоволь. После еды нас вернули в вагоны, у всех было хорошее настроение. Ехали дальше, следующая остановка была утром. Уже рассвело, когда поезд остановился.

Приехали на станцию Чебаркуль, которая находится в восьмидесяти километрах от границы Европы и Азии. Теперь мы узнали, что едем в военный лагерь. Туда мы шли пешком восемь километров. Это был Ворошиловский лагерь. Погода была очень плохая: мороз, вьюга, метель. Здесь находились большие землянки, в которых мы должны были разместиться. В каждую поместилось по четыреста человек. В землянках были двухэтажные нары, в углу стояла печь, которая должна была отапливать всю землянку. С дровами было очень плохо. Ходили в лес, рубили сырую березу и ей топили. В помещении было очень холодно. Прошло семь дней и нас повезли в баню. Одежду, которая была у нас, отобрали и бросили в одну кучу. Эта куча превратилась в большую гору, так как нас было больше двух тысяч человек. В бане нас одели в новую красноармейскую форму. Начиная с портянок и заканчивая шапкой все было новое.

Мы стали настоящими (л. 13) красноармейцами, поэтому разбили нас уже по-военному по ротам, взводам и отделениям. Появилась военная дисциплина, началась военная учеба. Военные занятия проводились с деревянными винтовками. Это для нас было удобно и легко, не вызывая никаких затруднений. С учебы приходили и ставили винтовки на улице в пирамиду, и ничего не нужно было чистить. Спали на нарах, но стелить на них было нечего. Шинель под головой, шинель под боком и шинелью одевшись. Летом из прутьев сделали плетенки-матрасы, на которых спали. Питание было хорошее – кормили по-военному. Я работал на хлебрезке, резал для бойцов хлеб вместе с другими товарищами. Здесь мне жилось хорошо. Были еще три товарища из Таллинна. В летнее время хлеб нарезали утром, поэтому до вечера у озера загорали. Это было для меня уральским курортом. Деревня от нашего лагеря была в пяти километрах. Туда не пускали, а за самовольную отлучку судили. Я, конечно, рисковал, когда часто ходил в деревню, но все проходило хорошо.

В июне у нас в лагере развилась дизентерия, а потому стало много товарищей умирать. Умерших укладывали на телегу как дрова в голом виде без всякой одежды. Покрывали всех брезентом и на лошади везли до кладбища. На Урале образовалось большое кладбище, где покоятся наши товарищи. (л. 14) На кладбище зарывали по несколько человек в могилу без белья и без гробов, в том числе и без отпевания. Такова была судьба моих товарищей. Вечная им память на уральском кладбище. Заболел и я, но у меня были хорошие товарищи санитары. Я от них получал хорошие лекарства и быстро поправился.

Военная учеба продолжалась. 13 сентября 1942 года дали приказ собираться в поход. К вечеру лагерь был пуст. Ночью мы погрузились в вагоны. Поездка снова началась. Мы не знали, куда мы ехали. Проехали уже много километров. В один прекрасный день наш поезд остановился. Это был город Куйбышев. Здесь я пошел на базар, купил арбузов и фруктов, и вернулся обратно на поезд. Прошел еще один час, и наш эшелон тронулся. Ехали по направлению к Москве. Проезжая Москву, поезд шел тихо. Все осматривали столицу. Еще порядочно проехали и прибыли в город Калинин. Здесь высадились и долго шли пешком. Это был военный поход на семьдесят километров. Шли весь день, а в ночь вернулись обратно и снова погрузились в вагоны. Поехали обратно за Москву до станции Голутвин.

Здесь высадились, потом шли пешком в неизвестном направлении. Вели, как стадо баранов. Через восемь километров (л. 15) пришли в лес, где стали строить землянки для каждого подразделения. Построили и кухню, где готовили еду. Получили новые винтовки, ходили

Воспоминания Анфилогия Фабричникова (1907–1978)

на стрельбище стрелять и проводили военную учебу. В свободное время ходили в деревню, которая от лагеря была недалеко. Между нашим лагерем и деревней протекала река Ока. Через реку переправлялись на пароме. В деревне у меня были хорошие знакомые. Я ходил к ним в гости, и меня угощали обедом, чаем и фруктами. У меня было много и других знакомых. Я заходил к ним и с товарищами. Село было красивое с названием Протопопово.

Здесь на обрыве у реки стоит разрушенная красивая церковь. Река имеет широкое и очень глубокое русло. Народ перевозят только на пароме. В один прекрасный день я пошел в деревню и там задержался. Пришел к реке, а паром больше не ходил, так как это было поздним вечером. Я обратно в деревню не пошел, а решил в этой разваленной церкви переночевать. Зашел и вижу разрушенную церковь и темный длинный коридор, где свистел только ветер. Я зашел в темный угол, свернулся и ночевал до утра. Утром паром уже ходил. Я перебрался через реку и благополучно вернулся в свой лагерь. (л. 16) Так я проводил свое свободное время.

3 ноября 1942 года нам дали приказ собираться. Мы собрались и пошли пешком до станции Голутвин, где погрузились и поехали в неизвестном направлении, но уже со всеми военными припасами. Ехали ночью и днем, но теперь нам стало ясно, что едем на фронт со всем боевым снаряжением и походной кухней, где в дороге готовили пищу. Нас кормили хорошо. Проезжали через большие деревни и колхозы. Одна женщина увидела, что едет эшелон военный, так как на открытых платформах солдаты, орудия и пулеметы. Она поняла, что едем на фронт. Эта женщина бежала рядом с поездом и рукой крестила наш эшелон. Было понятно, что она нас с Божьей помощью благословляла на фронт. Так проехали несколько суток и прибыли ночью в Калининскую область на станцию Селижарово.

Все военные припасы, взрывчатые вещества выгрузили. Утром каждому бойцу выдали по восемьдесят патронов и две гранаты. Также дали с собою сухарей, и мы тронулись в поход. От станции прошли пять километров. Было девять часов утра, когда в воздухе закружились немецкие самолеты. Мы попрятались в лес, а немецкие самолеты стали бомбить наш эшелон. Он был пуст, только повар с кухней находился в нем. От повара остался один только ремень, когда самолеты скрылись. (л. 17) А мы продолжали идти дальше. За нами тянулись орудия, минометы, походная кухня, повозки с продуктами и так далее. Всю ночь шли. Идти было нелегко, а мы были с полной боевой выкладкой. У каждого солдата была винтовка, 80 патронов, две гранаты, противогаз, лопата саперная, ножницы для перерезания проволоки, каска, вещевого мешок, а также плащ-палатка. Стало рассветать, и наш батальон остановился в деревне на отдых.

Получили завтрак и расположились на отдых в доме. Комната была теплая, где мы разместились. Усталые товарищи быстро уснули, но отдых прошел быстро, и раздался громкий голос: «Вставай на обед!» Мы быстро оделись и поспешили за обедом. Потом легли спать снова, но быстро пришел вечер. Вечером также поужинали. Отдали приказ готовиться в поход. Товарищи были готовы и ждали приказа идти в поход. Они сидели, покуривали и разговаривали между собой, когда послышался сигнал рожка. Мы быстро вышли из помещения, построились и пошли. Таков был порядок: ночью шли, а днем отдыхали. За каждую ночь мы должны были проходить по 30 километров. Знали точно, что

теперь идем на фронт, но на какое направление – не знали. И так продолжался этот поход каждую ночь одним и тем же порядком. Вот уже пошел снег, и очень много его выпало.

(л. 18) Идти было трудно и с каждым днем становилось все труднее и труднее. Поднялась пурга, метель, но мы свой путь продолжали дальше. С продуктами становилось с каждым днем все хуже и хуже. Почему? Выпал снег, дороги замело, появились большие сугробы. Транспорт с продуктами не мог пройти по занесенной дороге. От нашего батальона он совсем отстал, а мы тянулись все дальше. Теперь идти было совершенно тяжело. Ночью ничего не видно, как идти. Во-вторых, снега стало по колено, обувь вся истрепалась. Идти дальше невозможно, пальцы голые. 250 человек остались без обуви.

Всех нас без обуви отставили от похода. Мы расположились в одной деревне, откуда не подвезут нам обувь. В деревне из жителей не было никого – все были эвакуированы. Помещение было в нашем распоряжении, мы сами были хозяевами. На улице была большая пурга, и падало много снега. Все занесло и засыпало так, что не выйти и не пройти. Вот прошло три дня, а хлеба нам не везут. Горячую пищу получаем и едим ее без хлеба. Есть хочется, а взять негде. Вот одну лошадь закололи, но за несколько дней лошади не стало. Это было 4 декабря 1942 года, когда почти подошел мой день ангела 6 декабря. Я взял двести граммов мыла и пошел в соседнюю деревню поменять его на что-нибудь. Идти до деревни было четыре километра. **(л. 19)** В деревне мыла не было, и я этот кусочек обменял на полкилограмма картошки. Пришел обратно, где мы были расположены, сварил эту картошку и еще кусочек конского мяса. Вот так и отметил свой день ангела. Этим блюдом я был сыт и сказал товарищам, что если я в такой день сыт, то значит, что в этом году будем все сыты. Так мое предсказание и сбылось. На другой день привезли нам сухарей и за прошедшие дни выдали все разом, что не было получено. Прошло еще две недели, поздно вечером нам привезли валенки и раздали. Еще день прожили, а к ночи пошли в поход.

Шли очень быстро, потому что должны были догнать своих товарищей, свой батальон. Деревень мы прошли очень много, названий их не помню. Наконец свой батальон догнали с большими трудностями. Теперь шли с батальоном все вместе. И так продолжали поход дальше: днем отдыхаем, а ночью идем. Идем ночью, чтобы неприятель не заметил нас. Мы все измучились и устали от длительного похода. Каждую ночь мы должны были по-прежнему пройти 30 километров. С продуктами становилось все хуже и хуже с каждым днем. Часто стали получать вместо хлеба муку. Лошади устали и измучились, поэтому не могут везти даже пустые повозки.

Усталых лошадей на дороге пристреливали, и для нас это было добычей лакомого куска. Лошадь пристрелят, **(л. 20)** а мы солдаты, как вороны, налетаем на добычу. Не терялись, приступали к работе, и каждый товарищ из этой убитой лошади нарезал куски мяса. Потом забирали их с собой в поход, у меня с товарищем было ведро. Мы накладывали в него доверху мясо и продолжать двигаться дальше. На отдыхе забирались куда-нибудь в баню, растапливали печь и готовили себе мясо. Когда нам давалась мука вместо хлеба, так тоже забирались в баню и пекли лепешки на солдатской лопате, которая заменяла сковородку. Варили конину. Только в этом случае не приходилось отдыхать, поэтому, не отдохнувши, шли дальше в поход. Зато несли с собой мясо и лепешки, шли себе да подкреплялись. Конечно же, не так легко было это все приготовить: печь лепешки, варить мясо. Хозяйки бань готовить не разрешали, гнали нас вон. Был такой случай. Стали готовить, а хозяйка

бани гонит вон. Я схватил хозяйку за шиворот, и только ее и видели. Я говорю: «Мы – бойцы. Идем защищать родину, а ты не разрешаешь нам приготовить поесть. Нам и так нелегко. Вот сейчас провозимся мы с лепешками, а отдыхать нет времени. Видишь – вечер наступает. Сейчас пойдем в поход не отдохнувшие и не спавшие».

Прошло уже больше недели в походе. Измучились мы совсем, ослабли. Люди шли по дороге и падали от усталости и слабости. Товарищ упадет (л. 21) и не поднимается. От слабости многие плакали, как малые дети. Звали товарищей на помощь, так как у упавшего не было сил самому подняться: «Будь добр, товарищ, помоги подняться». Были также случаи самострелов, так как не могли тяготы больше вынести, и не хватало сил. Один товарищ по фамилии Розенберг из Тарту покончил с собой. А у меня лично было такое предчувствие: хоть я и слаб, и чувствую усталость, но как никак все к родине ближе. Так мои предсказания и мечты все сбылись. Всегда я просил Господа Бога и Святителя Христова Николу, образ которого у меня был всегда с собой в кармане. Он мне всегда и везде помогал в тяжелую минуту.

Ночные походы на всех измучили, потому я пошел на хитрость и подговорил еще девять человек. Мы отстали от своей части и шли сами по себе. Мы шли наоборот – ночью отдыхали, а днем шли, но от батальона своего не отставали. Батальон наш шел же только ночью, а днем бойцы спали. Мы же днем в это самое время поторапливались и догоняли свою часть. Нормально выспавшись, днем идти было наполовину легче, так как было еще и светло. Подходили к своей части, вечером ужинали вместе. Батальон после ужина (л. 22) собирался в поход, а мы вдвоем отходили в сторону. Шли в деревню на ночлег и отдыхали спокойно. Вблизи фронта шли с батальоном вместе. Так прошло больше месяца.

Погода изменилась: пришло тепло, временами шел сильный дождик, на дорогах образовались большие лужи. В валенках была вода, ноги мы стерли, но идти должны были вперед. До фронта оставалось идти 30 километров. Здесь уже деревни были все сожжены и разрушены. Перед самым фронтом один дом остался в целости. Пришли сюда ночью и расположились отдохнуть. Это было первый раз в походе, когда ночью отдыхали. На отдых расположились в темном холодном сарае, где было темно, потому не видно, куда ложиться. Люди были очень утомленные, усталые, измученные от большого похода. Утром я проснулся с товарищем и смотрю, у нас труп женщины под головами. Сами ничего не разобрали и не чувствовали – настолько были уставшие. Вот закончился наш мучительный поход, наконец добрались до фронта. Шли полтора месяца, прошли 500 км из Селижарово Калининской области в направлении Великих Лук.

На отдыхе мы провели целый день. Вечером поужинали и пошли в сторону фронта 3 километра пешком. Ночь была мокрая, было очень холодно. Забрались в старые окопы и сидели, ночью ударил крепкий мороз. Здесь, как и на фронте, было слышно, как били без перерыва орудия, взрывались снаряды, работал пулемет. (л. 23) Мы прижались друг к другу не от страха, а от холода. Так и просидели до утра.

Утром ползком кое-как добрались до кухни и позавтракали. После завтрака дали приказ окапываться. Копать окоп было тяжело, так как грунт был мерзлый и глинистый. Половину окопа выкопали, но дали приказ: «Отставить!» Отошли на левый фланг. Здесь стали снова копать. Окоп каждый себе копал всю вторую половину дня, и к вечеру они были готовы.

Каждый солдат был в своем окопе, когда пошел дождик. В окопе стала мокро и грязно. На левом фланге шел бой. Немец наступал, а наши отбивались. Немцу удалось эту деревню забрать, а наши отступили. Вот над линией фронта показался самолет со звездой. Но это оказался не наш самолет, а немецкий, так как стрелял из пулемета по нам. Закончилось все удачно – из наших никто не погиб.

Боевые действия и переход через линию фронта

Прошло еще несколько дней. Меня назначили санитаром, и я получил сумку с медикаментами и санитарными припасами. Стал делать солдатам перевязки их истертых ног. Мы находились от передовой линии окопов в одном километре. Через несколько дней нам дали приказ покинуть свои окопы, забрав все с собою. Это было в пять часов вечера 21 декабря 1942 года. Мы поняли, что теперь идем на передовую линию огня выбивать немцев, которые на днях взяли деревню Алексейково.

Стало темно. Мы медленным шагом двигались на линию огня. До передовой было идти около километра. Тянулись, как муравьи, усталые и голодные. (л. 24) Есть очень хотелось. Проходили мимо какой-то кучи, накрытой соломой. Здесь была когда-то деревня. Я подбежал к этой куче и засунул глубоко руку. Было темно и ничего не было видно, но что-то там я достал. Это была кормовая свекла, которую я с большим аппетитом съел и почувствовал себя хорошо, как будто я стал сыт. Места здесь очень холмистые. Пришли на место, и наша разведка доложила, что немцев здесь очень мало, поэтому мы их сразу выбьем отсюда.

Мы стояли за холмом, а по ту сторону стоял немец. Сердце замирало от ужаса, что решается судьба моя и моих товарищей. Стал я на колени и помолился Господу Богу, а также попросил Святителя Христова Николая, образ которого был со мною. Помолившись, стал вместе с товарищами ползти на линию огня. Немец заметил, что русские наступают и стал освещать местность ракетами. Ему все видно, как мы ползем, как черные жуки на снегу. Немец стрелял из минометов, но не в нас, а через нас. Только слышался пронзительный звук, как снаряды через нас летят. А мы продолжали ползти вперед. Немец по-прежнему освещал все ракетами и каждое наше движение видел. Огня по врагу мы не могли открывать, потому что время еще не подошло, так как не было приказа. Открыть огонь мы должны были в половину восьмого вечера.

Немец непрерывно стрелял из минометов, а мины летели не в нас, а через нас. Я находился при старшем лейтенанте по фамилии (л. 25) Коппамеэс. Он меня никуда не отпускал от себя. Я понимал, что, если с ним что-то случится, я должен быстро оказать ему первую помощь. На линии огня вдруг настала полная тишина, как будто в ожидании чего-то. Через холм мы переползли и находились у его подножья. А немец за другим холмом стоял. Взятую им днем деревню Алексейково при отступлении наши войска зажгли, и некоторые дома еще догорали. Нам было видно, как пламя озаряло небо, и искры поднимались в высь. Мы продолжали ползти вперед, но по-прежнему на линии огня была мертвая тишина.

Расстояние между врагом и нашими войсками составляло каких-нибудь сто метров. Вдруг на холме на немецкой стороне показался человек. Он стал кричать на эстонском языке, но не чисто по-эстонски: «Эстонцы, переходите к нам сюда!» На линии по-прежнему тишина.

Воспоминания Анфилогия Фабричникова (1907–1978)

Не прошло и трех минут, как среди наших солдат началась паника. Товарищи, подняв руки вверх, бежали в сторону немцев. Другие также последовали их примеру. Таких было все больше и больше. Я предложил своему лейтенанту воспользоваться моментом. Он ни чего в ответ не сказал, но мнение у нас было общее. И мы также последовали примеру других. Немцы перебежчиков приветствовали с воодушевлением. Всех наших товарищей хлопали по плечу и говорили: «Гуд! Гуд! (Хорошо!)»

Немцы сидели вокруг огня догорающего дома и сушили свою обувь. Один (л. 26) немец дал мне просушить его носки и портянки у огня. Я, конечно, подумал, что если я пленный, то должен подчиниться. Выполнил его приказ, высушил его носки и портянки и подал ему. Он меня поблагодарил и позвал за собой. Он шел впереди, а я следовал за ним. Позвал меня в бункер в окопе. Там находились и другие немцы. Он нарезал черного и белого хлеба и вместе с 200 граммами колбасы подал мне. Я взял и поблагодарил его, так как был очень рад, а, во-вторых, я был голоден, как собака, и уже не помнил, когда ел такую пищу. Съел я это все, и мне как будто кто-то силы прибавил. Немцы и других наших товарищей угощали крупую, хлебом и картошкой. Мы все потом находились у огня этого сгоревшего дома. У немцев здесь находилось большое количество танков, которые были замаскированы и выкрашены белым. А у нас, шедших в наступление, кроме пулемета ничего не было. Немцев было много, не так, как нам наши разведчики ввали.

Прошло около часа, и нас всех построили в ряд. Набралось около тысячи человек. Построивший нас в ряд повел за собой по дороге, которая была ровной и широкой. Не прошли и двух-трех километров, как русские войска открыли огонь из орудий. У первого снаряда был недолет, второй взорвался в стороне от дороги, а третий – упал посреди нашего строя. Не помню, что со мной случилось, но из глаз посыпались искры. Было такое чувство, (л. 27) что у меня голову оторвало, но я быстро пришел в себя и бросился бежать. Кругом стоял крик и стон, раненые звали товарищей на помощь. Много было раненых и убитых, но никто им помощи не оказывал. Так они стонущие лежать на месте и остались. Я поспешил изо всех сил догнать своих товарищей. Наконец я нагнал свою группу, которая уже очень далеко ушла вперед. Теперь продолжал идти вместе со всеми. Шли очень медленно, народ был усталый и истощенный.

В немецком плену

Прошли двадцать пять километров, и нас остановили у большого дома. Это был немецкий штаб. Здесь каждому из нас выдали справку, которая означала, что в лагере немцы должны были обращаться с нами хорошо. После этого нас погрузили в машины, которых было много. Все это происходило ночью. Потом ехали несколько часов, куда не знаем. Дорогой стало рассветать. Утром приехали на место. Это был город Невель в Беларуси. Здесь нас из машин высадили и погрузили в вагоны. Был уже вечер.

Далее ехали поездом целую ночь, а утром прибыли в город Полоцк в Беларуси. Снова пошли пешком в неизвестном направлении. Когда оказались на месте, увидели большой немецкий лагерь, обнесенный колючей проволокой. Завели нас в центр лагеря, где были большие четырехэтажные каменные дома. Нас всех построили в одну шеренгу и стали производить обыск. Красноармейские документы (л.28) у нас отобрали. У меня забрали все медикаменты, оставив только бинты. Повели нас в здание и поместили на втором этаже, где

Воспоминания Анфилогия Фабричникова (1907–1978)

было несколько пустых комнат. Теперь мы находились уже под крышей. Есть очень хотелось, так как давно уже не принимали пищу. Настал вечер, и нам дали суп из конского мяса с мерзлой неочищенной картошкой и 350 граммов хлеба. Все это было так вкусно! Особенно после переутомления и большого перерыва в еде появилось приятное ощущение. После ужина некоторые товарищи быстро уснули, а другие еще разговаривали. Ночью все погрузились в сладкий сон.

Утром 25 декабря комендант немецкого лагеря пришел нас поздравить с Рождеством. Принесли нам каждому по шесть сигарет, немного конфет, 20 граммов сливочного масла, 30 граммов сыра и 350 граммов хлеба. Это был наш дневной паек в немецком лагере. Пошли пить черный кофе.

На другой день эстонские немцы ехали на побывку домой в Таллинн. Они узнали, что много эстонцев находится в лагере, и пришли сюда на нас посмотреть. Каждый товарищ постарался написать родным маленькое письмо, в том числе и я. Собравшие много писем отпускники повезли их в Таллинн, где передали в Красный Крест, который и разослал их по адресам. Так все родственники узнали, что их дети, мужья и отцы находятся в лагере в Беларуси. Также и эстонское правительство узнало, что эстонский народ (л. 29) находится так далеко от своей родины. Они стали требовать, чтобы эстонский народ был бы отправлен домой. Родственники, узнав про своих близких, стали собирать, кто что мог, из продуктов, чтобы нам помочь.

А мы начали ходить на работу. В лагере работы не было, поэтому ходили в город, где находились немецкие войска. Там заготавливали дрова. За это получали дополнительное блюдо. Мы были истощены и голодны. У меня была пара теплого белья, которую я поменял на хлеб за низкую цену. Еще какие-то вещи, что у меня были, я обменял на хлеб. Так прошло три недели. Мы продолжали ходить на работу. Некоторые товарищи были больны и на работу не ходили. Им было отведено отдельное помещение, где была хорошая врачебная помощь.

В один прекрасный день случилась большая радость. Неожиданно пришел большой автобус из Таллинна с продуктами от родных и знакомых и от всего эстонского народа. Да, продуктов привезли полный автобус! Это было мясо, хлеб, булки, масло, яйца и всякие бутерброды. Каждое утро мы начинали с дележки продуктов каждому товарищу поровну на целый день. Это была большая помощь, и товарищи стали поправляться. На работу нас не принуждали ходить. Только из-за того и ходили, чтобы получать добавку к еде. Когда получили питание с родины, на работу ходить совсем перестали.

Прошло еще несколько дней. (л. 30) Нас решили направить в лагерь в Эстонию. Теперь у каждого товарища в глазах была большая радость, ведь поедем в свой родной край, на свою родину. Перед этой поездкой составили общий список отправляемых. Наконец наступил час, когда мы покидали лагерь. До станции шли пешком, так как не так далеко было идти. На станции товарные вагоны уже стояли. Нас погрузили в них и ... прощай город Полоцк, Беларусь! Поехали на свою любимую родину, о которой думали весь военный поход, надеясь, что каждый шаг вперед делает нас к ней ближе. Так что все мои мечты и сбылись.

Воспоминания Анфилогия Фабричникова (1907–1978)

Двигались в направлении Риги, приехав в город, нас из вагонов выпустили и повели на вокзал. Здесь Красный Крест угощал горячим сладким кофе с бутербродами с маслом и сыром. После кофе нас снова посадили в вагоны, и мы поехали дальше. Ехали по латышской земле, часто останавливались на станциях. Латышские люди знали, кто мы есть. Мы выходили из вагонов, они окружали нас и расспрашивали, так как им было интересно. Продолжали ехать и не могли дождаться, когда мы приедем на родную землю.

Наконец переехали латышскую границу. На первой эстонской станции ожидавший нас эстонский народ уже три дня ходил нас встречать. Наконец-то дождались нас с большими корзинами, в которые было наложено (л. 31) полным-полно продуктов: хлеб с мясом, хлеб с колбасой, с маслом и так далее. Люди с большой радостью подбежали к нам, как только поезд остановился, и стали нас угощать так, как своих родных. Нам еще они много радости доставили, так как мы увидели – с какими горячими чувствами принял нас эстонский народ. На станции мы стояли больше часа, и все это время нас угощали, а мы ели. Ели очень много и взяли еще с собой. Поезд медленно тронулся, и мы стали прощаться. Быстрее пошел, и нам вслед все махали платочками, а мы – им в ответ. В вагоне товарищи пели песни, было хорошее настроение. Так мы ехали дальше и теперь уже считали километры. Вот-вот уже прибудем на место, но пока не знали, какая нас впереди ожидает судьба. Но у каждого товарища была радость в глазах.

18 февраля 1943 года прибыли в город Вильянди. Это было поздно вечером, так как кругом было темно. Здесь снова было много гражданского народа. Встретили с музыкой духового оркестра, играли эстонский гимн. Мы вышли из вагонов, нас построили всех в ряды, а потом повели через город. Вышли за город, прошли еще три километра, остановились перед пустым местом, огороженным колючей проволокой. Мы сразу поняли, что нас привели в лагерь. (л. 32) Зашли в центр лагеря, где были ангары, которые раньше в эстонское время использовались для хранения самолетов. Помещения были большие, но холодные. Внутри были двухэтажные нары.

Расположились на новом месте, помещение натопили, и стало тепло. Здесь жить нам стало лучше. Еды давали достаточно. Утром мы получали на руки: сигареты, масло - 25 г., сыр - 50 г., колбаса - 50 г., конфеты, хлеб - 650 г., водка - 50 г. Это был дневной паек. Суп варили вкусный и жирный из свинины. Родственники и Красный Крест тоже нам помогали. Хлеб у нас уже оставался, так как не могли все съесть, потому что были сыты. В лагере здесь не работали, читали свежие газеты, слушали радио, так как в помещении был радиоприемник.

Проходит март, погода стоит солнечная и теплая. Мы целыми днями принимали солнечные ванны. Здесь товарищи хорошо поправились. В баню ходили каждую субботу. Часто нам показывали кино, приезжал ансамбль. Также приезжали родные и знакомые, но только не ко мне. Время проходило очень хорошо и весело. Спустя несколько дней к нам приехало начальство – правители Эстонии, – Мяз и немец Литцман. Построили нас и произнесли речь, в которой сказали нам, что хорошо, что мы вернулись на родину, но этого еще мало. Надо вступить в ряды немецкой армии. Ну, что же, мы были согласны. От волка бежали и на волка попали. Дали согласие, (л. 33) что идем. После этого духовой оркестр играл эстонский гимн. Потом сыграли марш, и мы под музыку разошлись по помещениям.

Освобождение из лагеря военнопленных, избежание немецкой мобилизации

Воспоминания Анфилогия Фабричникова (1907–1978)

6 апреля 1943 года нас стали выпускать из лагеря. Выдали нам по 120 сигарет и 120 марок денег. Вместо продуктов нам дали военные продуктовые карточки. Через месяц мы должны были явиться в указанное место на сборный пункт. Затем поехали, кто куда к своим родным. И вот в отпуске я находился уже две недели. Я стал думать, как мне избежать мобилизации в немецкую армию. Так прошел целый месяц. На сборный пункт я не явился. Находился дома, будто был болен. За мной пришел фельдшер из воинской части. Я сказал ему, что очень болен и не могу встать с кровати и пойти. Он просил меня как-нибудь дойти до части. Я согласился и пришел к старшему врачу. Он осмотрел меня и направил в военный лазарет. Шел туда с тростью, ковчег, не зная, на что жаловаться, потому что я был здоров.

Пришел в лазарет, а здесь в палате уже были мои товарищи. Прележав один день, на другой – увидел в палате пришедшего на осмотр главврача. Это был немец по фамилии Любовицки. Он был худощавый, тонкий, высокого роста, очень строгий, но разговорчивый и талантливый человек. По очереди стал всех нас осматривать. Дошла очередь и до меня. Он заставил меня раздеться наголо и спросил о жалобах. Я не знал, на что жаловаться и на какую боль, ведь я же был здоров. (л. 34) И все-таки я стал жаловаться на боли в пояснице. Он осмотрел ее, но ничего не сказал. На другой день вызвали меня на рентген.

После этого прошел еще один день. Главврач пришел к нам в палату со снимками и спрашивал меня: «Что и когда со мной случилось в жизни?» Я ответил, что занимался тяжелой работой и так далее. Особо ничего не мог ему сказать. Почему он меня это спрашивал, я не знал и не мог предположить. Этим все и закончилось. Прошел еще один день, и опять меня направили на рентген. О результатах я ничего не знал. Прошло еще три дня, и из канцелярии прибежала девушка-переводчица и сказала мне: «Ты счастливчик! Ты от военной повинности освобожден!» Это для меня было неожиданной великой радостью.

Прошел еще день, и меня вызвали получить одежду. Получив ее, пошел в канцелярию за документами. Получив их, пошел домой и про себя думал: «А ведь ничем я не болен, а меня освободили от военной повинности. И всему этому помог Святитель Христов Николай. Он мой спаситель, мой помощник и покровитель!» Теперь я спокойно находился дома при семье. По моим документам я был даже освобожден от всех тяжелых работ. Я нашел себе дело и стал работать тележником, но и эту работу толком не делал. Ездил в деревню и привозил оттуда самогон, мясо, яйца и так далее. Прошло еще несколько недель, и меня требуют на военную комиссию. И снова на комиссии я был признан негодным к военной повинности. (л. 35) И так я жил до 1944 года. Семья моя была эвакуирована в деревню по случаю большой бомбежки Таллинна.

Советская оккупация возвращается

22 сентября 1944 года я пришел из деревни от семьи и сидел в комнате с папой. Сидели и помаленьку выпивали. Как вдруг слышим на улице грохот и шум. Вышел я из дома, вижу, как зашли русские танки. У меня настроение испортилось, но не так сильно, так как я все-таки был выпившим. Я подошел поближе к танкам, посмотрел на это все и вернулся обратно. Выпил еще порядком и пошел в город. Смотрю, а к Балтийскому вокзалу прибыл немецкий эшелон. В немецких солдат на платформе стреляли. Эшелон при этом стоял перед вокзалом, но публика не растерялась. Люди открыли двери вагонов и стали тащить из них

Воспоминания Анфилогия Фабричникова (1907–1978)

все, что могли и кому что нравилось. В эшелоне были всякие продукты: сахар, мука, крупа, конфеты, мясо, водка. Всего было много.

Я был очень пьян, поэтому с другими скандалил. Это заметил патруль, и военный с автоматом ППШ на груди схватил меня и сказал: «Пойдем! Я с тобой рассчитаюсь!» И повел меня к стенке. На мое счастье, откуда-то появилась сестра Зина, бросилась к нему и говорит: «Брось! Отпусти! Это мой муж!» Задержись она хотя бы на две минуты, и я у стенки был бы расстрелян. Теперь с этим патрулем шли уже, как хорошие друзья, так как патруль тоже был пьян. Шли к дому, а по улице ехала легковая машина нам навстречу. Я говорю патрулю: «Стреляй!» (л. 36) Он с ППШ выпустил очередь, как с пулемета. В машине шофер и пассажиры были убиты.

Вот так у пьяных и с пьяными получается. А мы пошли с песнями вперед. В то время каждый человек легко мог попрощаться с жизнью, потому что правительства никакого еще не было, а регулярные войска только вошли. Я пил очень и очень много и каждый день. После этого я поехал в деревню, то есть не поехал, а пошел пешком. В деревне у семьи я пробыл неделю, а потом снова вернулся в Таллинн, где продолжал пить и гулять.

Арест, военный трибунал и отправка в ГУЛАГ

В субботу 14 октября в 8 утра я спал после пьянки на диване и услышал, что кто-то стучит в дверь. Я подумал, что, наверное, это какой-либо товарищ по пьянке и открыл ее. Передо мной стоял военный в серой шинели. Он зашел в комнату и спросил мои документы. Я ответил, что у меня нет никаких документов. На вопрос, где я в эти дни был, я ответил, что был в деревне. Он сказал: «Мы тебя все эти дни искали. Ну, ничего страшного. Давай, пройдемся немного». Я знал, что больше мне обратно не вернуться. Это был мой последний час свободы. Я подумал, что теперь никто не узнает, куда я пропал, и что со мной случилось.

Военного, который меня пришел арестовать, я попросил: (л. 37) «Зайдем к моей маме. Я только передам ей немного хлеба». Он против этого ничего не имел. Я взял кусок хлеба и завернул туда немного денег. Пришел к маме очень быстро, вбежал в комнату и говорю: «Мама, я принес тебе хлеба немного». И положил хлеб на стол. Потом взял маму за руки и смотрел на нее, а она – на меня жалостливыми глазами. Она сразу поняла, в чем дело, и я попрощался с ней. Меня этот военный вывел из комнаты на улицу. Я прошел несколько шагов и обернулся назад посмотреть. Мама стояла на улице, сложив руки, и смотрела мне вслед. Стояла старушка и плакала. Это было прощание с моей мамой навсегда. На всю мою жизнь остался у меня в памяти последний жалостливый взгляд моей мамы.

Повезли меня не так далеко – на Вышгород. Здесь находились другие арестованные. Как теперь дать знать маме, что я нахожусь не так далеко? Написал я записку и попросил одного солдата, чтобы он отнес маме. Прошло несколько часов, и мама прислала мне поесть. Просидел я здесь неделю, а потом меня перевезли на Нарвскую улицу и поместили в темную каморку. Она была небольшой: один метр на три метра. Пол, стены и потолок (л. 38) были бетонные и без окон.

Привези меня и кинули внутрь. Было темно, но я нащупал на полу немного соломы. Подстелил себе немного под бок, свернулся и горько заплакал. Никто не знал, где я нахожусь. Здесь во дворе много нас было. Арестованные сидели по камерам – бывшим

гаражам для машин. Ко мне еще привезли одного арестованного, поэтому мы находились вдвоем. Здесь же началось следствие, которое вели ночью. Вопросы задавали с угрозами. Я, конечно, ощущал себя запуганной и попавшей в клетку жертвой, потому и боялся. На допросе ночью я во всем признался.

Следствие длилось около месяца. Мне казалось, что оно проходило достаточно быстро и уже закончилось. По окончании следствия я расписался под показаниями. Вызвал меня к себе еще и прокурор, который повторно допросил, и на этом все закончилось. Прошло после этого несколько дней. Меня вызвали из камеры и говорят, что ты пойдешь на суд. Повели меня в суд под охраной: солдат с автоматом впереди, сзади – тоже солдат с автоматом, сбоку шел старший с пистолетом в руках. Вели с такой охраной меня, как будто я представляю из себя большого преступника.

Привезли меня на Вышгород, улицу не помню. На входных дверях было написано «Военный трибунал». Поднялись по крутой лестнице наверх. За дверью слева было большое помещение. Здесь пришлось подождать полчаса, (л. 39) пока пришли судьи военного трибунала. Суд надо мной начался. Судили быстро, потому что я во всем признался, и судьям было все ясно. В завершении мне предоставили последнее слово. Я говорю: «Граждане судьи! Я совершил преступление и признаю свою вину. Прошу вас, граждане судьи, жальтесь над моими малыми детьми, которые остались сиротами, малые крошки. Прошу у Вас легкого наказания». Я произносил эти слова с горькими слезами на глазах. Смотрел я судье в глаза, а у него тоже слезы появились, но он себя не выдал, а только часто моргал.

Судьи покинули зал и ушли в совещательную комнату. Через 10 минут суд вернулся, и зачитал мне приговор. Такой-то гражданин осужден военным трибуналом по статье 58-16 к 10 годам исправительно-трудовых лагерей с конфискацией имущества. Суд мой закончился, меня повели обратно на Нарвскую улицу, где я был до этого.

Прошло три дня, меня вызвали получить отобранные вещи. Пустые вещи возвратили мне обратно. Золотое кольцо и карманные часы не отдали. Я спросил: «Где отобранные ценные вещи?» Мне ответили, что кольцо и часы пойдут в пользу (л. 40) фронтовиков. Так мне стало ясно, кто их в лапу положил, тот и взял себе. Отвезли меня в Батарейную тюрьму, где по ошибке поместили в камеру подследственных, а не осужденных. В камере были одни эстонцы. Все относились друг к другу хорошо, жили, как одна семья. Мои родные узнали обо мне, и я получил передачу. Вторично получил подушку, одеяло, белье, шарф, шапку и другие вещи. Здесь я просидел две недели.

В один из вечеров вызвали меня с вещами. Это было 6 декабря 1944 года. Это мой самый дорогой праздник – день моего ангела. Поздно вечером очень много заключенных вывезли из тюрьмы. Вокруг стоял крепкий конвой с собаками. Нас привезли на Балтийский вокзал и стали грузить в товарные вагоны. В вагонах мы пробыли трое суток. Они стояли недалеко от моей квартиры, где я проживал на улице Техника. Но об этом никто не знал из моих родных и знакомых. В течение трех суток нас набралось очень много, и получился большой эшелон. Ночью мы тронулись с места, и я попрощался с родиной, так как предполагал, что нас вывозят вон из Эстонии. Поезд ехал быстро, мы прижимались друг к другу как птицы с обрезанными крыльями. В вагоне было очень холодно, мы дрожали от холода.

Наутро куда-то приехали (л. 41) и эшелон остановился. Потом товарищи узнали, что мы приехали в Ленинград. Наступил поздний вечер, и нас стали выводить из вагонов. Подъехал «черный ворон», и нас стали грузить в него. Автомобиль был очень маленький, в него можно было поместить только 10 человек, а нас загоняли по 42, трамбуя друг к другу, не позволяя вздохнуть и пошевелиться. Привезли в тюрьму. Потом узнали, что это Кресты. Привели нас в коридор, который был очень большой и длинный. Тюрьма сама трехэтажная, имеет 999 камер. В коридоре нас построили и стали поодиночке обыскивать. У меня при обыске нашли серебряные крест и цепочку, которые тут же отобрали. Я стал просить их оставить, но мне гордо ответили: «У нас православных нет!»

После обыска нас стали размещать по камерам. Они были маленькие, всего на четыре человека. Нас же стали размещать по 28 человек. Спали один над другим. Я попал в камеру с ворами и бандитами. Они отняли все, что у меня было: подушку, одеяло, шапку, белье и шарф. Я горько заплакал. Оставили меня ни с чем. Кто им сопротивлялся, тех избивали и никакой защиты от них не было. Очень трудно было находиться среди бандитов. Баня была во дворе, но она была холодная. (л. 42) Нас повели в баню, дали только одну шайку воды. Этой водой надо было помыться и окатиться. Еду давали очень плохую. Суп – одна вода и немного капустного листа в ней. Хлеба получали 450 граммов в день. Он был сырой и недоброкачественный. В Крестах мы пробыли около месяца.

В конце декабря 1945 года нас стали собирать на этап, снова всех обыскали. Из тюрьмы на Московский вокзал нас вывозили на открытых машинах. Ехали днем, проезжали по главной улице Ленинграда – Невскому проспекту. Было видно, как народ торопился с елками в руках. Люди спешили с восторгом встречать Новый год. Нас погрузили в вагоны, собрав всех заключенных в большой эшелон.

На вокзале пробыли несколько часов, пока собрали всех заключенных. Пришло время, и поезд стал трогаться в путь-дорогу, и мы поехали, не зная, куда судьба занесет. В вагонах было холодно, была плита, но топить было нечем, дров не было, жгли дорогой резиновую обувь, резиновые плащи. В вагонах были опять бандиты, которые отбирали последние тряпки. Охрана приходила нас считать в вагонах. Когда считали, гоняли с одного конца вагона на другой и били по чему попало деревянными молотками. Мне раз попали по руке, поэтому долгое время она болела. Пищи жидкой никакой не давали, кроме (л. 43) 650 граммов хлеба. Воду и ту трудно было получить. Везли как обыкновенных заключенных, относился надзор к нам строго и плохо. Из вагона ни на шаг не отпускали, относились, как к скоту. Оправляться можно было в дырку в полу, пробитую среди досок. Спали на голом полу. В вагоне нас помещалось 54 человека. В январе погода стояла очень холодная – пурга, ветер, мороз крепкий, и нам дорогой пришлось крепко померзнуть. Так ехали четверо суток. Наконец приехали на север в город Вельск. Вышли из вагонов, нас повезли колонной в лагерь отбывать свой срок, искупать свою вину честным трудом.